

18+

Глеб Карпинский



ПАПА, НАПИШИ О ЧУПАКАБРЕ!

Деревенский детектив

Глеб Карпинский
Папа, напиши о Чупакабре!
Деревенский детектив

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448616
ISBN 9785005063762*

Аннотация

«Папа, напиши о Чупакабре!» – это необыкновенная юмористическая история наших дней, повествующая о летнем отдыхе семьи успешного московского писателя на одном из южнорусских хуторов. Столкнувшись с нравами местных жителей, он еще к тому же теряет смартфон вечно недовольной жены и ведет самостоятельное расследование вместе со своей двенадцатилетней дочерью. Чем все это заканчивается, Вы узнаете в этой книге.

Содержание

1. Как примерно все начиналось	5
2. Неприятности на почте	14
3. Как я ждал дочку	25
4. Как мы потеряли смартфон	32
5. Как меня в последнее время посылали	40
6. Расследование начинается...	46
7. Жизнь потихоньку налаживается	55
8. Список подозреваемых	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Папа, напиши о Чупакабре! Деревенский детектив

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2025

ISBN 978-5-0050-6376-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор из гуманистических соображений не приводит точек геолокации, где произошли эти немыслимые события, не указывает ничьих конкретных имен и вообще никого ни в чем не обвиняет. Так что любое совпадение чисто случайно.

1. Как примерно все начиналось

Мы как раз крушили на глазах дочери очередной сервиз, выясняя, куда же лучше поехать на эти летние месяцы, когда мобильник жены вдруг затрезвонил, а на его дисплее показалось умиротворенное лицо странного человека с заплетенным хвостом волос.

– Здравствуйте, дети мои. Опять за старое? Дулевский фарфор всегда ждет от Вас новых заказов, – сказали насмешливо эти намасленные губы, уплетая что-то довольно аппетитное, и я узнал по громкому чавканью нашего старого друга семьи, отца Даниила.

– А разве завод не обанкротился? – удивился я, держа в руках последнюю раритетную тарелочку.

– Милостью Господа нашего спрос на его продукцию огромен, – вытерли жирные руки о густую рыжую бороду. – А теперь отложите обиды свои, дети мои, и присядьте вон на тот полосатенький диванчик. Послушайте, что я вам скажу...

Мы, больше озадаченные, чем послушные, присели на диванчик, на который нам указали, причем наша двенадцатилетняя Настя плюхнулась радостная между нами, и, положив одновременно все вместе ладони на колени, принялись слушать с замиранием сердца все то, что скажут елейные речи человека, обладающего отличным даром убеждения.

Стоит сказать, что отец Даниил, будь он не ладен, года два назад получил назначение сельским священником где-то в одной из южных провинций и жутко скучал по «нормальным людям», как он неформально и льстиво выразился о нас, москвичах. Его неожиданное предложение погостить у него «на югах» стало своеобразным компромиссом, и мы, недолго думая, переглянулись, часто моргая глазами, и согласились.

Помню в тот злополучный день, буквально за час до звонка этого дьявола-искусителя, я больше склонялся рвануть в Магадан к теще, а супругу пленили Канары. Спор принимал нешуточный оборот, и я даже в каком-то истерическом припадке заорал тогда Михаила Круга.

– Магадан – значит, опять домой, в этот волшебный сон... Магадан...

Но моя женушка Катя – дипломированный специалист веб-семинара «Все мужчины – гады, и как избежать их манипуляций», не привыкла сдаваться без боя. Она с видом гурмана-садиста вывела на всю мощность «Despacito» и принялась выделявать такие кренделя и па, что Luis Fonsy рухнул бы с дуба.

– Pasito a pasito, suave suavecito,
Nos vamos pegando, poquito a poquito
Cuando tú me besas con esa destreza
Veo que eres malicia con delicadeza....

(Шаг за шагом, тихонько-тихонько, нас затягивает поле-

гоньку. Когда ты так целуешься классно, я понимаю, что жизнь не напрасна).

Так что дочка наша, ярая поклонница рэпера Тимати, просто закрыла уши и смотрела на своих родителей, как на умалишенных, подпевая «Плачут небеса о любви и мечте, плачут небеса о тебе, о тебе».

Все это дурдом—шоу «Кто громче» подходило к логическому финалу, так как перекрычать меня было невозможно, но, несмотря на мою бесспорную победу, Катя в самый последний момент применила свой коронный удушающий прием. Не в смысле, что на меня внезапно набросились и придушили, хотя может быть это было бы лучшим решением в той ситуации... Просто она демонстративно заперлась «ненадолго» в ванной, хлопнув при этом дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Потом, когда доиграл весь альбом моего союзника и у меня окончательно не порвались связки, она явилась к нам в комнату в обворожительном купальнике от Ameria.

— Как ты не понимаешь, милый, а еще называешься знатком женской природы, что всякой нормальной женщине куда комфортнее чувствовать себя, когда в нее брызжут слюной знойные мачо в обтянутых футболках, чем околеть в колымских прериях от суровых взглядов бородатых лесорубов...!

В самый кульминационный момент, когда я сам, того не понимая, собрался прохрипеть «Да, любимая, я сделаю все, что ты пожелаешь», и позвонил отец Даниил, тем самым

подтвердив важную и давно забытую истину: «Люди должны шевелить своими мозгами, иначе это будут делать за них другие люди».

– Не хватает впечатлений на новую книгу? Катенька скучает по солнцу? Насте негде покататься на велосипеде? – лил нам в уши елей отец Даниил. – Тогда айда к нам!

Еще тогда я услышал его нервный смешок.

– А где мы там будем купаться? – спросила жена.

– Да, – нахмурился я и повторил ее вопрос. – Где мы будем купаться?

– Да вы что! – воскликнул он так, будто мы попрали его веру. – Не слышали, что ли про горячие источники? Испания отдыхает... На худой конец речушка горная есть. Там пескарики водятся...

– А где мы будем жить? – неуверенно спросил я, поглядывая с осторожностью на супругу.

Мне почему-то представлялись кибитки кочевников, и моя привыкшая к комфорту жена, мечущаяся по бескрайней степи в поисках двухслойной туалетной бумаги.

– Не вопрос! – заверил нас отец Даниил. – Одна моя послушница призналась мне на исповеди, что сдает недорого хатку на хуторе и может впустить туда добропорядочную семью из трех человек. Это сказочное место, не пожалеете. Приезжайте, заодно отметим твой новый бестселлер, Павлик...

Стоит признаться, уважаемый читатель, что я – тот самый

известный писатель эротических романов, которыми зачитывается и заслушивается вся продвинутая культурная масса. К сожалению, связь прервалась, и я не успел уточнить, какую именно из нашумевших книг мой тайный поклонник имеет в виду: «Мой босс из зада» или «Один оттенок желтого карлика»? Но уже скоро, такая возможность представилась мне воочию.

Примерно в конце мая, за тысячи километров от Москвы в нашем распоряжении оказалась допотопная саманная хатка с черепичной крышей. Также к ней в придачу прилагался «огородик», где я, с энтузиазмом человека, наконец вырвавшегося из душного города в деревню, окропил своим потом почти сорок соток векового бурьяна и засадил при помощи ржавой лопаты всю целину кабачками.

Стоит отметить, что мы, жители больших городов, и особенно женщины, помешаны на здоровом питании и крайне привередливы в этих вопросах. Вот почему отправляясь на машине в долгое путешествие, мы всегда забиваем багажник специальной провизией, купленной за бешеные бабки во всяких там Лавках-Лавках.

– А где же цельнозерновая мука? – помню, расстроилась Катя, вот уже со второго раза пытаясь захлопнуть багажник.

Видимо, выращенные где-то под Люберцами помидоры с наклейкой «Эко» желали упаковываться только в виде желе.

– Закажем по интернет-магазину и нам отправят по почте,

милая... – сказал я тогда спонтанно.

– А у тебя высокий IQ, – вытерла жена капли томатного сока со своего лица. – И как я сама не догадалась. Может, ты тогда еще почтой и велосипед Насти отправишь?

Я как раз пытался компактно рассовать его детали во всевозможные пустоты в машине.

– Нет, мама, я свой велосипед не доверю никому, – запротестовала наша Настя, активно помогая мне в утрамбовке наших скромных пожитков.

– Может, возьмем лучше самокат, лапочка? – вздохнула тогда жена, пытаясь приласкать свою дочь, но та, при виде новоявленного образа мамыши-вампириши, осторожно попятилась назад.

– Самокат я уже положил, – усмехнулся я, озадаченно крутя руль в руке и гадая, что лучше из машины, к чертям собачьим, выкинуть: то ли швейную машинку, запрятанную под пассажирским сиденьем, то ли выглядывающий из бардачка фен.

Но мои преступные намерения были моментально пресечены.

– Даже не думай! – встала в позу жена, облизывая свои испачканные в томате губы.

– Но машина же не резиновая! Надо что-то оставить! – возмутился я. – Какой же велосипед без руля!

– Себя лучше оставь! Заодно ремонт на кухне сделаешь, вот уже два года жду.

– Нет, я папу не оставлю! – обняла меня ласково дочка и заискивающе взглянула в глаза своей мамы. – Как же мы без папы?

– Ничего страшного. Не велика потеря, нового найдем! – все не унималась Катя.

– Шутка шутками, но куда же его всунуть? – начинал уже злиться я, размахивая рулем.

– Да что ты все заладил – всунуть, всунуть, – и Катя больно ущипнула меня за мякоть ягодицы. – Не говори таких пошлых слов при дочери! К багажнику наверх привяжи.

– Это плохая идея, мама! – и дочь вырвала руль из моих рук и прижала его к себе, как любимую игрушку. – Напоминаю Вам, дорогие мои мамочка и папочка, как мы однажды под Воронежем подобным образом уже потеряли чемодан с брюссельской капустой на радость голодающим местным веганам.

– Что ж! Пожалуй, ребенок прав, – согласился я, вытянув губы в попытке поцеловать жену, но тут же получил удар уже от Насти.

– Папа, я давно не ребенок! Мне паспорт через два года дадут.

– Да, правда, – увернулась от меня Катя. – Что ты ее все время ребенком называешь? Ведь знаешь, как она все это болезненно воспринимает, и все свое талдычишь: «ребенок, ребенок...» Мы уже взрослые девочки... Верно, Настенька? Дай поцелую тебя в щечку...

Больше я старался не спорить, ощущая себя между двух огней. Нам предстояло ехать почти сутки на машине. И, несмотря на то, что дорога была хорошая, жми да жми на газ, но мы все в конце пути изрядно устали и, помню, как уже вслух считали последние километры, подгоняя время.

– Широка страна моя родная, много в ней лесов полей и рек... – запел я душевно советскую песню, когда слева и справа от нас, наконец, замелькали зеленые нивы, а на прозрачном, лазурном небе показалась снежная шапка Эльбруса.

Помню еще, как все мы были в диком восторге от винограда, раскинувшего свои буйные лозы на серые от времени жерди, как кружилась голова от предгорного воздуха, как радостно вздрогнуло сердце от раскатистого крика петуха на заборе, и как волновалась душа при виде пасущихся на холмах лошадей. Все эти впечатления нельзя передать словами...

– Папочка, как тут чудесно! – призналась дочь, так и держа при себе руль всю дорогу.

Мы только что нашли ключи от хаты в дупле ореха и отворили калитку с каким-то смакующим ожиданием волшебства, все еще очарованные красотой и первозданностью окружающей нас природы.

– Неужели так еще живут? – опомнилась вдруг жена, которую уже начинал пугать предстоящий крестьянский быт.

– Так жили наши предки многие сотни лет, – с гордостью

сказал я. – Но не волнуйся, милая. Отец Даниил говорил нам, что в хату проведен водопровод, есть, кажется, бойлер с горячей водой и даже ванна с туалетом. И еще интернет ловит.

– М-да. Надеюсь, печь в нормальном состоянии? Скоро, мука должна прийти...

2. Неприятности на почте

Помню, как с утра палило солнце, и я, надев на себя чистую рубашку из приятного льна, отправился пешком на местную почту. Нужно было оплатить квитанции за свет и воду а заодно получить долгожданную посылку из Москвы, которая так застенчиво и долго шла к нам, петляя по просторам страны, точно запозднившаяся старая дева в дремучем лесу. Со мной в дорогу увязалась на велосипеде Настя, и мы, воодушевленные, по пути любовались еще шикарными грецкими орехами.

Само здание находилось в десяти минутах ходьбы, так что я совсем не предполагал тогда, что наше приключение может затянуться на более длительный срок.

– Оп-с, – услышал я раздосадованный возглас дочери.

Она первой доехала до почты и удивленно пожала плечами.

– Закрыта что ли? – крикнул я, подходя ближе к тяжелому амбарному замку на двери.

Вдруг за нашими спинами раздался скрип колесиков, и когда мы обернулись, то увидели на инвалидной коляске мужика в рваной тельняшке. Создавалось впечатление, что он перед всеми разрывал эту тельняшку, доказывая что-то.

– Сынок, сигаретку... – и для убедительности он показал мне жестом, что хочет курить.

Я хлопнул себя по карманам и подбросил ему на колени нераспечатанную пачку «Парламента».

– А что-нибудь попроще есть, ну там «Беломор» или «Дукат»? – был недоволен он.

– A cheval donné on ne regarde pas la bouche, – ответил я по-французски, что означало, что дареному коню в зубы не смотрят.

– Басурман что ли? – враждебно покосился на меня попрошайка.

– Из Москвы мы... из столицы нашей Родины...

– Ага, Родины... видали мы вашу Родину, – и он показал нам кукиш.

– Ты скажи лучше, mon cher ami, где почтальонша? – постарался я не замечать эту вопиющую наглость. – Уже как пятнадцать минут десятого..

– Маринка-то? Козу, наверно, доит. Погодь немного, ща подойдет, – и попрошайка благополучно покатыл дальше, а я почувствовал то неприятное чувство, когда вас как будто провели вокруг пальца.

Как назло от досады захотелось курить, но второй пачки Парламента у меня, к сожалению, не было. Чтобы как-то отвлечься, я зашел на детскую площадку, расположенную напротив почты, и покатался на каких-то качелях, вспоминая детство, пока дочка наматывала круги на велосипеде. Редкие хуторяне, проходя мимо, искоса посматривали на меня, будто я попирал их святыню, а одна бабка с хворостиной в руке,

гнавшая впереди себя прихрамывающего гуся, даже покачала головой.

– Ну и отъел задище! – фыркнула она, ударив хворостинкой нерасторопную птицу, но я воспринял ее замечание на свой счет, и решил сойти с качелей.

Затем от скуки я стал читать объявления на фонарных столбах, медленно обходя их и закинув руки за спину. В основном, на них была реклама комбикорма, а также сообщалось о скупке колхозных паев за «очень дорого». Помню, я еще был недоволен тем, что эти бумажки, потрепанные ветрами и непогодами, сильно портят здешний ландшафт, и что за это даже надо наказывать штрафами. Тогда я еще не знал, что скоро и мое объявление будет висеть на одном из этих столбов, обмотанное для надежности скотчем.

Наконец, какая-то важная тетка в теле проехала мимо на велосипеде, даже не взглянув в нашу сторону. Интуитивно я сразу понял, что это как раз и есть почтальонша Маринка.

– Здравсьте... – непроизвольно открылся мой рот, потому что я никогда прежде не видел столько безвкусия.

Во-первых, эти шлепанцы, на ужасный цвет которых обратит внимание любой уважающий себя психиатр. И никакие оправдания, что цвет этот хорошо маскирует навозную жижу, если в нее наступить, не канают. «Ну и что? – скажете Вы, недоумеая. – Чего автор прицепился к этим шлепанцам, какие продавали, такие и купили?!» «Хорошо, – отве-

чу я на это, – но посмотрите, друзья, как эти пластмассовые тапки дисгармонируют с постоянно сползающими носками, и это в сорокаградусную жару!»

Тем временем, Маринка лихо притормозила у дверей почты, оставив за собой облако пыли, и, как ностальгирующая по большой сцене провинциальная балерина, плавно вынесла ногу через раму велосипеда. Все это надо было видеть. При этом шлепанец, конечно же, спал под действием инерционных сил.

– Ну, чего уставился? – не выдержала мой пристальный взгляд она.

– Нравится, – процедил я сквозь зубы, пытаясь выдавить из себя улыбку.

– Извращенец что ль..., – сказала она кокетливо, просовывая ногу обратно в слетевший шлепанец.

И она была права. Многие отдали бы последний грош за то, чтобы хоть одним глазком взглянуть на это чудо деревенской жизни – с большим трудом натянутые на огромный зад лосины, и потом эта явно мужская майка, позволяющая окружающим определить густоту волосяного покрова в подмышках и количество жирных складок на животе.

– А тьфу ты, черт! Ключи забыла, – вдруг опомнилась Маринка, состряпав отвратительную мину.

Мы еще не успели понять смысл сказанных ею слов, как эта, мягко сказать, странная женщина дернула за замок с такой силой, будто собиралась сорвать дверь с петель. Слава

богу, попытка не удалась, иначе бы нам пришлось бы искать ее дурацкие шлёпанцы под завалами.

– А ну отвернись, ротозей, а то глаз выколю! И ты, девочка, отвернись, вся в папу!

Я сначала не понял шутки, подумав грешным делом, что Маринка по причине природной своей стыдливости нас стесняется и хочет просто подтянуть свои лосины или, может быть, почесать свой слипшийся от синтетики зад.

– Ну, сколько можно повторять?! У меня ключ кое-где запасной спрятан, – пояснила она.

Мы неохотно зажмурились, и уже скоро слышали, как открывается дверь. Потом нас какие-то неведомые силы подтолкнули в прохладу саманных стен и приказали открыть глаза. Почтальонша с царственным видом сидела за монитором, а я все заинтригованно гадал, откуда же она вытащила свой запасной ключ. Ведь у входа почты не было никакого коврика.

– Ну и денек! – жаловалась она, как ни в чем не бывало. – Голову надо открутить тому, кто придумал работу в субботу.

– Это евреи придумали, – заметил я. – Им в субботу нельзя трудиться по религиозным соображениям, а нам якобы можно.

– Кому это нам? – ухмыльнулась Маринка, перебирая какие-то бумаги у себя на столе.

Я предпочел промолчать, больше не развивая, видимо, опасную в этих краях тему антисемитизма, и какое-то время

мы с дочкой просто переминались с ноги на ногу. Меня начинал возмущать тот факт, что эта невозмутимая работница почты не спрашивает у нас цель нашего визита. Как будто мы каждый день к ней ходим за посылками.

– Нам почему-то извещение не пришло, хотя посылка давно у вас, – начал я, нарушая уже начинающее казаться неприличным молчание.

– Да, а с чего ты взял, что посылка пришла?

– По трек-номеру проследил...

– А... по трек-номеру... Понял хоть, что сказал? Ты не в городе там у себя, а на хуторе. А у нас, если нет извещения, нет и посылки.

– Так, где же извещение?

– А я почем знаю? – вылупила свои глазищи почтальонша. – Жди, мож придет!

– Папа, смотри, вон наша посылка! – указала куда-то в угол моя внимательная дочка.

– И верно, наша посылочка, – прочитал я бегло на большой коробке свою фамилию.

– Так это Ваша посылка? Что ж вы раньше не сказали? – удивилась Маринка. – А мы тут голову ломаем, что за ней вот уж неделю никто не ходит. Наверно, Машка моя опять напутала...

Затем она позвонила, очевидно, своей помощнице и с видом сурового босса в двух словах объяснила в трубку ситуацию, потом, очевидно, выслушав какие-то неубедитель-

ные объяснения этой самой Машки, снисходительно скривила свое лицо и посмотрела на нас плутовским, не вызывающим доверие взглядом.

— Что же вы меня обманываете? Она клянется, что извещение должно быть у вас на руках. Вашим соседям положили, божится...

— Каким соседям?

— У вас с ними заборы похожие.

— Ну и что похожие? Тут у всех одни и те же заборы, а люди-то разные ... — не понимал я искренно такую логику.

— Люди может и разные, а заборы одинаковые, — передразнила она меня, настаивая на своем. — Так что, вам не передавали извещение?

Дело в том, что заборы на хуторе практически у всех действительно одинаковые, то есть шиферные, и если справа от нас жил пенсионер Владимир Ярославович, с которым мы кое-как общались, то слева соседи были явно нелюдимые и только кивали нам через межу, когда мы случайно встречались с ними на грядках. Но после того, как их курица зашла к нам в огород и я прогнал ее, они вообще решили не здороваться.

— Да я их знать не знаю. Коля, что ли? Никто ничего не передавал... — закипел я от возмущения.

— Ну и народец пошел, ну и народец, — покачала головой Марина. — Вот из-за таких сектантов, как они, уже пять лет газ провести не могут.

– А почему Вы их называете сектантами? – удивилась моя дочь, проявляя интерес к беседе.

– Эх, девочка, девочка, а ты видела, что они с птицей вытворяют?

– А что они с птицей вытворяют? – спросил уже я из любопытства. – Вроде нормальные у них куры бегают, даже жирные...

– Вот именно жирные! А их хозяева худые!

– Не понимаю...

– А что тут понимать! – стала объяснять мне как маленькому Маринка. – Вегетарианцы они гребанные, все ждут, когда эти куры у них сами подохнут. Да еще перекармливают, а тут люДям есть нечего.

– М-да... – проговорил я, протягивая ей свой паспорт. – Я догадывался, что тут все с головой не дружат, но что б настолько...

Когда Маринка взяла мой паспорт и стала сверять фотографию, меня это даже рассмешило, и я скорчил вполне дебильную рожицу.

– Ну что, похож?

– Ага, похож... – покрутила она пальцем у виска.

– Вы еще в конце пролистайте, сколько раз я женился и сколько детей вписано...

Дочка, прикрыв ладошкой рот, тихо хихикнула.

– Зря хохочешь, девочка, посылку я все равно выдать не могу... – и почтальонша насупила брови.

– Это почему же? – возмутился я. – Вот паспорт, посылка оформлена на меня, в чем дело?

– Потому что у меня там программа!

При слове «программа» мы многозначительно помолчали. Слышно было, как медленно фурычит под ее ногами системный блок. В это время моя дочь пролистывала модные журнальчики на стойке и уже просила меня взглядом, чтобы я их прикупил.

– Ну и что программа? – словно очнулся я. – В чем проблема?

– А то, что мне нужно забить в нее номер телефона адресата. Отправитель этого не сделал.

Я, конечно, понимал, что это все самоуправство на местах, что никто не имеет требовать у меня моих персональных данных, кроме паспорта, но старался вести себя снисходительно и достойно мессии, только что спустившегося на эту погрязшую в грехах землю.

– Место работы, кем работаете? – спросили меня эти заблудившиеся в своем невежестве люди.

– Это еще зачем?

– Отвечай на вопрос, не юли. У меня есть пустая строчка. Ее надо заполнить. Без этого система не пропускает...

– Пишите, тунеядец. Налоги не плачу, – с издевкой ответил я.

– СНИЛС есть? А, это не обязательно... – и почтальонша стала забивать в программу мои данные, что-то ей в них

не нравилось, и она постоянно переспрашивала меня.

– Ну, вроде бы все. Диктуй свой номер, красавчик...

– Номер телефона? А шифр от сейфа, где деньги лежат, не надо?

– Шифр пока не требуют. Нужен номер телефона адреса-та.

Понимая, что без этого дуризма мне сейчас не выдадут посылку, я решил не противиться и продиктовал по памяти номер супруги.

– Сейчас придет СМС для подтверждения с кодом, – потерла друг о друга ладони почтальонша с видом хакера, собирающегося вскрыть секретную базу данных самого Пентагона.

Но телефона при мне никакого не оказалось. Дело в том, что свой номер я заблокировал по приезду, надеясь погрузиться полностью в среду обитания, чтобы ничто не отвлекало меня от вдохновения.

– Ну и, конечно же, у тебя нет при себе телефона... – съязвила Маринка с издевкой.

– Нету...

– Ну и папа у тебя, девочка! Из-за таких, как он...

– Газ пятый год не проводят... – продолжила ее мысль Настя, рассматривая очередной журнальчик.

– Вот, молодец, догадливая, – обрадовалась Маринка. – Наверно, в маму.

В это время на почту зашел народ, и за нами образовалась

давка из желающих оплатить свои квитанции. По понятным причинам мы всех задерживали, так как ожидали мой код подтверждения.

– Все успокаиваемся! Чего галдите, как сороки! Из-за таких как вы... – призывала она к порядку хуторян, тряся над собой моим бедным паспортом.

Так что мне ничего не оставалось, как попросить Настю сгонять домой, чтобы посмотреть пришедшую смс-ку, а она, окрыленная тем, что ей выдался лишний шанс прокатиться на велике, понеслась, крутя педалями, будить маму.

На всякий случай, я вышел на дорогу, чтобы проследить ее путь. На душе скребли кошки. Мне не хотелось будить Катю из-за какой-то ерунды. В кои-то веки она решила выспаться после шитья очередного своего платья. Но ничего не поделаешь. Форс-мажор, как говорится.

3. Как я ждал дочку

Скоро запыхавшаяся дочь вернулась, и еще издали прокричала мне этот проклятый код, отчетливо проговаривая каждую цифру.

– Вот черт! – развела руками почтальонша. – Время ожидания уже вышло. Нужно по новой подтверждать.

Очередь обреченно вздохнула и переключилась на бытовые разговоры.

– Прихожу в сарай, – говорила одна хуторянка с замученным лицом. – Батюшки рОдные, а там гусята штабелями лежат! Я за мужем в хату. Пока растолкала, приходим, а их и след простыл.

– Это клыса, – закивала головой какая-то бабка, не выговаривающая из-за своей беззубости букву «р». – Ты ей, дочка, в зоомагазине конфетки специальные купи вкусные. Я так своих вывела...

– Да, какая крыса, Матрена Степановна! Птица уже подращенная была, по килограмма два, должно быть, каждая тушка.

– Ну тогда кошка! – предположил усатый мужичок в кепке, по-глупому улыбнувшись.

– Да какая кошка, дурень! Говорю тебе, каждая тушка по килограмма три живого веса, а гусят штук пятнадцать было...

— Ну значит, несколько кошек, — засмеялся все тот же мужичок.

— Молчи! — обиделась пострадавшая.

— Это Ножик за старое взялся, — вмешалась в спор только что вошедшая на почту худющая тетка в белом халатике. И когда все взгляды были устремлены на нее, она уверенно заморгала. — Ну этот сидевший... на днях вышедший... Я к нему пришла намеренно, прививку хотела от туберкулеза впендюрить, а он меня чуть не зарезал, сволочь...

Очевидно, это была местный фельдшер, помешанная на прививках и жутко озлобленная на тех, кто от них отказывается.

— Да, что ты брешешь, Танька! Какой Ножик!? — раздались голоса из толпы.

— Говорю, это Ножик! — настаивала фельдшер, чуть ли не зашипев от злости, точно змея.

— А я говорю, не Ножик! — уперлась в бока пострадавшая. — Ренат (участковый) изучал следы в огороде и сказал, что зверь этот, примерно вот такого роста, но не лиса... Прямоходящий, когтистый и плоскостопие на правой лапе.

— Батюшки, батюшки... — кто-то запричитал в толпе и стал креститься.

— Так ты ему конфетки эти купи, — все заладила Матрена Степановна, известная в округе сторонница всевозможных ядов. — Покидай везде по углам, дочка. Авось очокурится... Я своих клыс всех так повывела... и соседских тоже... Где

купить-то? В зоомагазине в станице купи и делов-то... Да вот одна, кажется, завалялась... – и бабушка стала обыскивать себя в поисках отравы.

От этого всего добродушия мне стало в прямом смысле жутковато, и я старался держаться поближе к стойке, с надеждой поглядывая на посылку на коленях современного Печкина.

– Что делать-то? – спросил я похитительницу чужого добра. – Может, свой номер вобьете?

– Ага, нашел дуру! Ты посылку заберешь, а потом скажешь, что не брал, а мне потом отвечать... – возразила почтальонша. – К тому же нужен код подтверждения с того номера, который я уже ввела в программу. Я же его уже вбила, а как поменять, не знаю. Так что давай двигай за телефоном. Другого варианта нет. Видишь, люди ждут.

Люди, действительно, ждали и смотрели на меня с мрачными лицами. Между тем, эта беззубая бабушка шептала им на ухо.

– Говолю, в таких делах только конфетка поможет.

Так что надо было решать возникшую проблему, как можно быстрее.

– Ну что съездишь еще один разок? – обратился я к дочери. – Привези телефон, чтоб сто раз не бегать.

– Угу... – понимающе кивнула она.

Находиться в такой враждебной обстановке было невыносимо, и я вышел на дорогу, где ко мне подъехал на велике

Васька со скрученным в рулон поролоном. Как оказалось, поролон ему этот выдала администрация, как социальное пособие официально безработному. Предлагали еще на выбор ватный матрас, но он отказался, заявив: «На кой он мне ватный? Вата слеживается. А вот поролон в хозяйстве везде сойдет. Из него губки для мытья посуды даже можно сделать».

Васька был парень неплохой, но ушлый, жуть. Я ему как-то в самом начале нашего приезда помогал с колхозного поля катить колесо прошлогодней соломы. Сейчас мы перекинулись с ним парой фраз, и я у него спросил, расквитался ли он хоть с одним из кредитов, которых он набирал с поразительной легкостью. Он беззаботно рассмеялся в ответ и сказал, что у него на примете есть еще один банк, который закрывает глаза на плохие кредитные истории и раздает всем деньги налево и направо.

– И что, дадут? – удивлялся я тогда.

– Дадут, если я приведу еще такого же клиента. Сам не хочешь попробовать? У них процент небольшой, без поручителя, до миллиона в день обращения...

– Нет уж, спасибо... – вежливо отказался я, чувствуя явный подвох. – Бесплатный сыр только в мышеловке.

– Ну, не хочешь, как хочешь. На жену, наверно, оформлю тогда. Она беременная, один черт, ни черта не делает, – чесал он свой косой подбородок.

Между тем, Настя уже бросила велосипед на обочине и скрылась за деревьями нашего дома. Я вздохнул, примерно

прикинув сколько времени еще ее ждать.

Пока мы с Васькой дымили и обсуждали, что хуже слежится поролон или ватный матрас, к нам подошел белобрысый парень. От него сильно разило дешевой брагой, а на впалой обнаженной груди висела фанерка – «Зарежу недорого».

– Салам, начальник! – прищурил он один глаз, поглядывая пристально на мою рубаху. – Что за кипиш? Дай «сигу».

Я покачал головой и указал взглядом на Ваську, свои-то я уже раздал, и тот угостил белобрысого.

– Душевно, а прикурить? – промычал тот, зажав выцарапанную из пачки сигаретку в зубах.

Васька дал ему и зажигалку, но у закуривающего долго не получалось прикурить, и он попросил кого-то из нас чиркнуть ему. Затянувшись в кулак этот подозрительный парнишка опять прищурился.

– А вы Жучку мою не видели? – спросил он, пошатываясь.

– Да вон она... – показал я на маленькую зашуганную собачонку, которая семенила по асфальту на оторванном поводке.

Парень подозвал ее свистом, но она, напротив, побежала совсем в другую сторону.

– Куда? Куда? – покачал головой он, а потом, махнув рукой, переключил свое вялое внимание на нас.

Помню, как мы немного потрепались о недавно установленной на повороте камере видеофиксации. Я возмутился, что на том месте нет предупреждающего знака, а сама до-

рога так раздолбана, что без заезда через сплошную просто не проедешь.

– Грамотно они все придумали, – согласился со мной Васька. – Я там на велосипеде-то проехать даже не могу.

– Это комерсов будут стричь, а то летают, как угорелые. Меня чуть вот вчера не сбили, – и белобрысый тут же сделал неприличный жест руками проезжающей мимо машине.

В ответ ему просигналили, но не остановились, предпочтя не связываться.

– Клевая рубашечка... – вдруг заметил мою обнову он. – А ты что, кОзак, из Воробьевки? Что-то я тут тебя раньше не видел...

Я попытался объяснить, что раньше все на Руси ходили так, но на меня равнодушно икнули.

– А где же твоя шашка, кОзак? Козак без шашки, что кочет без яиц. Вот смотри, какая у меня шашка! – И он достал из кармана огромный тесак, лезвие которого пугающе блеснуло на солнце.

Мы с Васькой немного опешили от вида холодного оружия, а белобрысый, довольный тем, какое неизгладимое впечатление он производит, хлопнул меня фамильярно по плечу и поплелся дальше своей дорогой.

– Если кого зарезать, обращайтесь... – крикнул он сидящим на лавке у забора бабкам, махая им своим внушительным тесаком, и те дружно закивали головками, как китайские болванчики.

– Вот, блин, зажигалку не вернул! – спохватился Васька. – Знаешь, кто это? Это Ножик, недавно из тюрьмы вернулся. Раньше крал все, что плохо лежит. А сейчас зарабатывает тем, что бабкам козлов режет.

Я тревожно посмотрел вслед недавно освободившемуся из мест не столь отдаленных.

– Ты это, с ним не ругайся, – предупредил меня Васька. – Его не зря Ножиком прозвали. Чуть что, за ножик хватается... И бензокосилку спрячь куда подальше, а то у Людки из восьмьдесят третьего дома уже пропала.

4. Как мы потеряли смартфон

Тем временем, к почте ехал, гудя на всю округу, знакомый фургончик. Дело в том, что на хуторах обычно нет магазина, и каждое утро хлеб развозят всем желающим, кто выходит к дороге, показывая свою заинтересованность. Мы тоже раньше покупали хлеб таким образом. С одной стороны, это очень удобно, хлеб с доставкой, никуда ехать не надо, всегда свежий, бывает даже горячий, а если повезет, то могут попасться вкусные сдобные булочки. Но с другой стороны, к этому надо еще и привыкнуть. Однажды моя супруга увидела, как булочник-водитель выдает нам хлеб теми же руками, которыми и принимает деньги, и пришлось от всего этого отказаться.

На гудок фургончика из почты повалила толпа народа и встала со мной рядом у дороги. Но были и такие, буквально два-три человека, которые уже пошли к нему навстречу, показывая нам лишь удаляющиеся спины. Оказалось, что почтальонша решила не допускать бунта и, забрав у самых нетерпеливых деньги, обещала бросить оплаченные потом квитанции им в ящики. Я вдруг заметил, как ловко виляет силуэт моей дочери между идущими ей навстречу хуторянами. Потом произошло то, что произошло, а именно: где-то на полпути возле остановки, Настя почему-то остановилась и стала оборачиваться назад, точно что-то ища под колесами.

«Может быть, слетела цепь?» – подумал я еще тогда с надеждой.

Но когда велосипед Насти повернул обратно к дому, сердце мое вздрогнуло, предчувствуя нехорошее, и я понесся быстрее лани к ней на помощь.

– Потеряла? – крикнул я издалека.

– Угу... – кивнула она. – Только что с багажника слетел.

– Эх, дуреха! В руке надо было держать.

– Так оно так и было, папа, но ехать неудобно... Вот и прицепила.

– Ну точь-точь как под Воронежем, – напомнил я печальный эпизод из нашей прежней поездки, когда мы потеряли чемодан с брюссельской капустой.

– Что же скажет наша мама, когда узнает?

– Ничего не скажет. Надеюсь, мы его сейчас найдем, – приободрил я расстроенную Настю и стал расспрашивать подробности.

Оказалось, что, скорее всего, когда мимо проезжал фургон, дочь выехала на обочину и колеса велосипеда вышли на крупные камни. От тряски багажник расшатался и смартфон выпал. Априори он должен был лежать где-то по краю дороги, времени прошло совсем немного, если, конечно, его никто не подобрал. При беглом осмотре мы, к огорчению, ничего не нашли, и я стал все больше склоняться к версии, что телефон все же подобрали.

– Смотри, не она ли подняла? – указал я на шнурующую

от нас по обочине бабушку в зеленом платке, и та, словно услышав меня, обернулась и намерено ускорила шаг, переходящий даже на легкие перебежки.

Она так и спешила, с изогнутой шеей, пока не запнулась о колясочника, оказавшегося на ее пути. Он, очевидно, дежурил, если так можно сказать, на повороте из хутора и стрелял сигареты у проезжающих мимо машин. Сейчас эта комичная сцена с кувыркнувшейся бабкой, к сожалению, не могла рассмешить нас.

– Папа, бабулька-то с почты!

– Давай дуй за ней! – приказал я. – А я займусь вот этим типом!

Между бабушкой и нами брел еще один мужичок с опущенной головой, который дерзил на почте по поводу котов и хотел купить лотерейные билеты. На хуторе его все считали дурачком, хотя он ничем особо от них всех не отличался. Ну, старомодная кепочка, ну длинные шорты ниже колен и натянутые как гольфы черные носки, ну, естественно, пластмассовые тапки, угадайте, какого цвета.

– М-да, – вздохнул я. – И этот мог взять.

Завидев меня, дурачок перешел на противоположную сторону улицы. Я тоже перебежал дорогу и, догнав, попытался в двух словах объяснить ситуацию с пропажей, но он то ли ничего не понял, то ли сделал вид, что ничего не понял.

– Я же говорю, что кошки, – промямлил он, по-глупому улыбаясь.

– Да какие кошки! Кошкам телефоны не нужны... – возмутился я. – Ты скажи, может, видел чего?

Но мужичек протянул мне свою слабую левую руку для рукопожатия, в правой он держал два лотерейных билета. Я заметил, что на руках у него, как и у многих местных мужчин не хватает фаланг пальцев – следствие неосторожной работы с электроинструментом, а также объяснялось это тем, что многие из них работали на мебельной фабрике.

– Да, кошки это, кошки... – как-то сочувственно сказал он, и мне ничего не оставалось, как пожать его руку также необычно левой.

В это время ко мне подъехала дочка и с упреком объяснила, что бабушка от нее убежала в сторону соседнего села Воробьевка, и она не рискнула догонять ее без моей помощи, а еще ее обругал инвалид за то, что она не курит и не пьет.

«А может Васька подобрал?» – подумал я, вспоминая, что мой недавний собеседник признавался мне в сложном финансовом положении, а так как наши хаты практически стоят напротив, то путь его последнего передвижения большую часть дороги повторялся с нашим.

Также под подозрения попали сразу водители двух ВАЗиков, припаркованных у строящегося дома рядом с остановкой. Нужно было расспросить их, но они, заметив наше приближение, сели в свои машины и быстро ретировались, сделав вид, что не замечают мой настойчивый жест «остановиться».

– Может, эти взяли? – спросил я, весь окутанный клубами бензиновых испарений. – Они ж были прямо у дороги, у машин возились, когда ты проезжала.

– Может, и они, папа, – кивнула Настя. – Здесь как раз затрясло сильно.

– Нужно их обязательно расспросить, когда вернутся, – вздохнул я, расстроенный, и мы еще какое-то время в слабой надежде ходили у ворот стройки.

Потом я услышал разговор и, оглянувшись, заметил, что на нас с любопытством смотрят две молодые, ранее незнакомые девушки, скорее всего, приехавшие сюда к кому-то в гости. Они сидели на остановке, почти сливаясь с ней, и беззаботно болтали ножками, прячась от солнца. По времени должен был давно подъехать автобус, идущий в город, но он задерживался. Как я сразу их не заметил!

– А Вы не подбирали случайно смартфон?

В ответ девушки пожали плечами.

– Ну, телефон мобильный, только без кнопок... – пытался я им объяснить. – Может, кто подобрал? Только что уронили...

– А зачем нам телефон без кнопок, – засмеялись подруги.

– Постойте, эта девочка несколько раз проезжала туда-сюда... – припомнила одна из них, как-то безучастно посмотрев на мою дочку. – А когда уронила?

– Да только что. Минут пять назад... Может, видели, как кто поднял?

– Ничего мы не видели! – резко ответила другая, почему-то прижимая к себе свою сумочку, будто мы собирались ее обыскать.

Такой жест невольно вызвал в нас подозрения. И как только я собрался с новыми вопросами, готовыми пролить свет на все это темное дело, подъехал автобус и забрал наших важных свидетельниц в город.

– Укатился наш телефончик, тю-тю, – иронизировал тогда я, но дочка почему-то защищала этих девушек.

– Нет, они не могли, папа. Я с ними здоровалась.

Слабый довод дочери только умилил меня.

– Нам нужно срочно позвонить на мамин смартфон! – вдруг воскликнул я, ударив себя по лбу. – Может, кто поднял и ответит.

– Но твой номер заблокирован, папа!

– Давай дуй к Владимиру Ярославовичу. Я видел, как он на огород шел колорадов травить.

Когда же мы отыскивали нашего соседа справа, или князя, как все его тут называли за созвучность имени-отчества, и в спешке объяснили ему что к чему, он недоверчиво долго смотрел на нас сквозь запотевшие стекла противогаза и мотал головой в белом ядовитом облаке. Для безопасности мы с дочкой остановились немного поодаль, но у нас уже першило во рту, и слезились глаза. По земле же в нашу сторону гурьбой ползли полосатые жуки, спасаясь от газовой атаки.

– Ничего не понимаем! – замотали мы головами, напрас-

но вслушиваясь в мычание Владимира Ярославовича. – Нам всего один звоночек сделать. Да чего Вы боитесь?

Наконец, князь стащил противогаз с головы и весь красный, как рак, заорал на нас с выпученными глазами:

– Ну как чего? Здесь же на огороде связь не работает. Вам придется выносить мой телефон на дорогу, а там Вы его тоже оброните, как свой.

Потом у него начался приступ кашля, более симулянтский, чем настоящий, и мне пришлось снять с запястья золотые часы Rolix, ценой многократно превосходящей весь его урожай картошки за двадцать лет.

– Если Вы так боитесь, давайте я залог оставлю...

– Пойдет! – откашлялся он быстро.

Я подбросил часы в ближайший куст картошки, а он поднял их и стал изучать, как индеец первые бусы конкистадоров. Затем, видно убедившись, что вещь стоящая, отложив свой газомет в сторону, протянул нам свой телефон. Мне пришлось задерживать дыхание и почти закрывать глаза, чтобы не наглотаться удушающих газов.

– Звоните, но только не долго! – крикнул он нам вслед. – У меня на счету денег в обрез.

Помню, как мое сердце забилось в ожидании ответа и как мы с Настей внимательно прислушивались, не звучит ли где-то в траве или поблизости знакомая мелодия, но гудок резко оборвался. Либо смартфон все же разрядился от моей чрезмерной настойчивости, ведь с утра он, скорее всего, был

не заряжен, либо нашедший его человек просто не мог сообразить, как им пользоваться. Я знал, что население на хуторе пользуется в большинстве своем еще кнопочными мобильниками, давно вышедшими из употребления в больших городах.

— Мама так расстроится... — заплакала вдруг дочь. — Там наши фотографии были. Только вчера с коровой Васьки фотографировались. Может, маме лучше не говорить, напрасно не расстраивать?

— Она все равно узнает, — тяжело вздохнул я и, зная несносный и буквально взрывной характер моей супруги по всяким мелочам с поводом и без повода, почувствовал легкий мандраж.

Действительно, что скажет Катя, когда узнает, что мы потеряли ее смартфон со всеми ее личными фотографиями, контактами, паролями к банковским картам и соцсетям? Скандал, как минимум, был гарантирован. И все, что мы могли сделать в такой удручающей ситуации, так это позвонить оператору, чтобы срочно заблокировать украденный номер...

5. Как меня в последнее время посылали

Отправив дочь домой, чтобы она как можно деликатнее подготовила свою мать к неутешительной новости, я отправился на почту за посылкой и своим паспортом, проговаривая, что сказать ожидавшим там хуторянам. Если честно, я рассчитывал на их сочувствие, но первое, что услышал, это было:

– Да ты в кустах посмотри!

Это пропищала невзрачная девица с бородавкой на носу. Мы сразу не понравились друг другу. Судя по всему, ей оказалась уже выше упомянутая Машка, вечно путающая наши заборы. Она швырнула свою наплечную сумку куда-то в угол и по-хозяйски плюхнулась рядом с Мариной на соседний стул.

– Ну чего, нашла? – спросила почтальонша, немного ерзая. – Всучила повестку из военкомата?

Девица в ответ широко зевнула.

– И что, расписался?

– Агась..

Затем эта неприятная мне особа перекинулась со всеми присутствующими лисьим взглядом. Да и она сама была как лиса, рыжая, ярко-огненная.

– Теперь уж не отвертится, – ухмыльнулась она.

– Как же ты его прижучила, Машка? Он же парень бедовый, – слышались восторженные голоса. – Уже два года от армии отлынивает.

– А никак я его не прижучивала... – снова зевнула Машка. – Его сама мамаша сдала. Открыла подпол и закричала ему туда: «Вылазь, дурак, быстрее, все огурцы мне пожрал!»

Все, кто был на почте, кроме меня, засмеялись, но я не разделял их веселого настроения.

– Это Вы та самая Маша, которая сует квитанции не в те почтовые ящики? – уточнил я.

– Ну я! А чё? – ответила она дерзко, откинувшись на спинку стула. Для полного образа гестаповца ей не хватало закинутых на стойку ног и сигареты в зубах.

– Я так и думал...

– А ты меньше думай. Лесом шел, а дров не видал. Под елкой поищи лучше.

– У вас тут елок нет! Кто-то из ваших взял... – возразил я, стараясь не смотреть на ее бородавку, которая так и маячила у меня перед глазами. Но у меня не получалось.

– А ты ищи лучше! – злобно огрызнулась она, совсем не стесняясь моего пристального взгляда.

– У нас народ честный и работающий, – заступилась за нее Маринка. – Не то, что у Вас там (в Москве). Чужого добра нам не надо... Ведь верно, бабоньки?

– О, да, да, – затараторили все, пытаясь устыдить меня

в напраслине.

Спорить я с ними не стал. Сейчас решалась судьба. После недолгих убеждений Маринка все же, скрепя сердцем, пошла мне на уступки, позвонив куда-то, где ей долго объясняли, как поменять номер телефона в программе. Благо, со мной был телефон Владимира Ярославовича, и СМС с заветным кодом я получил моментально.

Стоит заметить, что мне посылку не подали, а презрительно швырнули на стойку.

– Паспорт не забудь, склеротик, – ухмыльнулась рыжая бестия.

– Надеюсь, за все это время пока я бегал туда-сюда, на него кредит не оформили? – решил я кое-как постоять за себя.

То, что мне ответили при этом, даже сейчас, по прошествии некоторого времени, не поддается литературной обработке. Но я сам виноват, так сказать, напросился. При этом я был в какой-то мере даже рад, что эта шарашкина контора по планам наших доблестных либерастов скоро должна будет превратиться в младшую сестренку «Пятерочки».

– Вам бы еще бритвенными станками приторговывать, окультурились бы, – злорадствовал я, поклявшись, что больше никогда не буду пользоваться услугами этого недобросовестного учреждения.

– Вот придурки понаехали! – орали мне вслед все, словно сорвавшиеся с цепи.

Отступая под натиском вражеских сил, в дверях мне при-

шлось столкнуться еще и с «Белым халатиком», и тот даже взвизгнул от неожиданности.

– Извините, пожалуйста, – буркнул я на лету, выскакивая на улицу.

Там стояло реальное пекло. Пот со лба стекал на глаза, мешал смотреть, а мне все казалось, что разъяренные почтальонши с небритыми потными подмышками гонятся за мной, точно злющие кровососущие ведьмы, и вот-вот с диким гиком запрыгнут мне на спину, чтобы вонзить свои гнилые зубы мне в глотку.

– Молодой человек, постойте, – окликнул меня женский голос, но поскольку я так и не оглянулся, то меня настойчиво дернули за край рубахи.

– Что Вам угодно? – хмуро спросил я, пытаясь всем своим видом показать, что мне некогда. – Вам недостаточно моих извинений?

– А какой толк в Ваших извинениях? Отдавить ногу беззащитной женщине сейчас каждый идиот может. Осмелюсь спросить, Вы надолго к нам приехали?

– А собственно, зачем Вам это?

– Ну как зачем? Я же фельдшер, Татьяна Ивановна. В мои обязанности входит следить за здоровьем всех хуторян.

– Ну и что? Я к Вам никакого отношения не имею.

– Ну это Вам только кажется... – как-то загадочно улыбнулась остановившая меня женщина, и эта улыбка мне не понравилась. – Вы приехали из другого региона, наверняка, бо-

леете чем-то заразным и обязаны встать ко мне на учет.

– Ничего я никому не обязан! – даже сплюнул я на землю, а самого аж затрясло от такой бестактности. – Идите лесом!

– Нет, ну Вы посмотрите, как он с женщиной разговаривает? – обратилась она к проходящей мимо безрогой корове.

Запах свежего навоза ударил мне в ноздри.

– А где Вы видите здесь женщин? – теперь слетел с катушек я и сразу пожалел об этом.

– Нет, Вы смотрите, что за нахал! Показать вторичные половые признаки? – И Белый халатик расстегнулся на три верхние пуговицы.

– Нет уж, прошу, увольте! – и я продолжил свое спасение бегством.

– Учтите, я буду жаловаться на Вас председателю! – заорала глубоко оскорбленная Танька.

Затем она попыталась догнать меня и даже подставить подножку, но я ловко перепрыгивал эти заляпанные навозом препятствия.

– А сколько лет Вашей дочери? Она в школу ходит? – не унималась вредная тетка. – У нее прививки есть? Вы должны стать ко мне на учет! И обязательно предъявите СНИЛС!

Я решил больше не отвечать. К тому же, за моей спиной зазвучала знакомая тирада бранных слов.

– Да чего ты раздеваешься, Танька! – выскочила из почты Машка. – У него давно не стоит на нормальных баб.

– Импотент несчастный! – плевалась в сердцах фельдшерица и в завершении всего швырнула в меня сорванным с себя лифчиком. – Ишь, женщину не видит!

– Хоть убей, не вижу! – буквально удирал я, забыв о всяком достоинстве.

– Иди, очки купи! Пригодятся.

Казалось, эти клуши соревновались между собой, кто обиднее и пошлее оскорбит меня.

Отбежав на безопасное расстояние, я все же оглянулся. Вышедший из почты народ ругал мое поведение и сверлил мне спину колючими взглядами, а Машка – язва даже махнула мне, типа «Вали дальше».

6. Расследование начинается...

Держа в руках посылку, я не сразу заметил впереди себя сутулую и покрасневшую от загара спину. Ножик с поникшей головой, немного протрезвевший, как раз возвращался домой. Я обогнал его, и мы невольно разговорились.

– А где твоя собачонка, дружище? – спросил я его, стараясь перейти на дружелюбный тон.

– Ой, не спрашивай, кОзак! – отмахнулся он, пребывая в тяжелой печали. – Вот за пакет помидоров отдал...

Я знал, что на другой стороне хутора есть теплицы, и что их держат какие-то азиаты, а местное население ходит туда и покупает там дешевые овощи.

– Слыхал про зеленые помидоры? – и паренек потряс перед моим носом пакетом.

– Зеленые помидоры?

– Они самые... Никогда не краснеют. Съешь такой натошак, и целый день есть не хотца... Ходишь потом, как заводной Буратино.

И Ножик попробовал изобразить на месте походку деревянного человечка.

– Ну а собачонка-то им твоя зачем? На кой она им сдалась?

– Не знаю. Как увидели ее, предложили обмен, сказали, что будут хорошо кормить.

– Да уж... – нахмурился я, давно наслышанный о популяризации тайных собачьих ресторанов в связи с наплывом мигрантов.

– Ну и я о том же, – вздохнул он расстроено. – Только вот еще незадача, как мне мимо их двора проходить, а? Ведь учует меня Жучка и будет скулить, с цепи рваться... Уж лучше мне туда не ходить больше. Я сначала даже рад был, – объяснил он мне свое подавленное состояние. – Жучка у меня кожа да кости. А тут поживет у комерсов этих, – и он сощурил глаза. – Может, потом деньги скоплю и выкуплю. А ты что сам такой кислый? – заметил он вдруг мое невеселое настроение.

– Да вот телефон дочка обронила. Если найдешь, с меня магарыч.

Глаза Ножика загорелись.

– А какой телефон-то?

– Да, веришь, не помним. Сенсорный был, ну без кнопочек, вот такого размерчика, черный... чехол еще кожаный, – и я примерно показал размеры устройства руками.

– А модель какая?

– Кажется, Самсунг, а, может, и нет. Коробка от него в Москве осталась.

– Ясно. Ну, уж если увижу у кого, скажу... – и он закинул пакет помидоров себе на плечи. – А ты к ментам обращался?

– Да ну с ними связываться. Мы сами попробуем найти, – сказал я. – Тут-то людей, два с половиной человека живет.

Свои подобрала, расспросить только надо.

Бывший зэк улыбнулся, показывая мне дырку от выбитого переднего зуба.

В это время ко мне навстречу выбежала заплаканная дочка. Попытка подготовить маму к событию не прошла даром.

– Эй, глупая, чего ревешь-то? – спросил ее Ножик с явным сочувствием. – На, держи!

И он, сбросив с плеч пакет, достал оттуда зеленый помидорчик.

– Ты его с яблоками положи, пожелтеет немного, вкусней будет. Помой только, на всякий случай.

Потом после некоторых уточнений, при каких условиях и примерно в каком месте мы потеряли смартфон, он поплелся дальше, вглядываясь вдоль дороги.

– Спасибо! – крикнула ему вслед дочурка.

Но Ножик так увлеченно рыскал по уже примятой нами траве, что, казалось, не слышал слов благодарности.

– Вот зря Жучку отдал! Мы бы с ней быстро его нашли! – качал головой он, подходя к краю забора и заодно заглядывая за него во двор. – Он мог отскочить куда угодно, – крикнул он нам, словно оправдываясь.

Но мы не стали ему мешать в поиске и остановились у ворот стройки. Саманную хату обкладывали силикатным кирпичом, заодно перебирали крышу, бетонировали столбы для забора. Сами строители, очевидно, уже вернулись. Багажники их машин были приоткрыты и заполнены доверху меш-

ками цемента.

– Ты точно тут его потеряла? – спросил я у дочки.

– Да, примерно тут. Они тут как раз курили. Вот еще бычки валяются.

Когда мы постучали в ворота, их сразу же открыл босоногий мальчуган лет четырех-пяти. Черные, как уголь, глазенки смотрели на нас из-под прямого, слегка покатого лба.

– Здравствуй, – сказал я ему. – А взрослые есть? Позови.

– Мама! – крикнул он, повернувшись в сторону раскидистого абрикоса.

Там, в прохладе тени, медленно покачивался гамак, на котором в привольной позе на спине лежала молодая красавица. Наготу ее бедер скрывала пестрая юбка, а узкие плечи покрывала накидка из полупрозрачной материи, возможно, шелка. На голове у нее была соломенная шляпка с широкими полями. Но больше всего мне запомнились ее утонченные, как у балерины, ступни, украшенные разноцветными браслетами. Девушка не замечала нас, находясь в какой-то отвлеченной прострации, и даже громкий оклик так непохожего на нее сына не привел ее в чувство. Она продолжала покачиваться в гамаке, точно в дрейфующей лодке, и, едва касаясь кончиками пальцев своей элегантной ножки песочка, выписывала на нем какие-то причудливые круги. И если бы не куры, бродившие рядом, казалось, что эта девушка находится где-нибудь на коралловом побережье Канкуна. В завершении всей этой сказочной картины не хватало раз-

ве что початой бутылки какого-нибудь шампанского в корзинке со льдом и свежих сочных фруктов. Хотя последние все же были. Они висели на ветвях и от легкого дуновения ветра то и дело падали вниз. Рядом, на песке, находился тазик. Очевидно, своим неожиданным приходом мы отвлекли мальчика от сбора урожая.

– Здравствуйте, – поприветствовал я эту девушку. – Извините, что Вас отрываем от...

Договорить я не успел, так как рядом что-то звякнуло, и кто-то, коричневый и лохматый, бросился мне в ноги, при этом громко ревя и пытаясь достать меня когтистой лапой.

Это была точно не собака, но я не сразу понял, что чуть не стал жертвой разбоя маленького медвежонка, пристегнутого цепью к столбу. Я инстинктивно закрыл собой взвизгнувшую от испуга Настю, и замер, ожидая дальнейшего нападения, но, слава богу, цепь удержала зверя, буквально в метре от моих ног.

– Папа, смотри, это же медведь! – прошептала моя дочь, с опаской выглядывая из-за меня. – Мы такого в зоопарке видели.

– Да, похоже, – выдохнул я, чувствуя, как мое сердце только-только начинает выползать из пяток. – Он, наверно, подумал, что я мед принес.

Медвежонок, тем временем, продолжал реветь, выражая все признаки агрессии и, я бы даже сказал, бешенства. Цепь едва сдерживала его натиск, и эти ржавые, местами уже по-

гнутые кольца от натуги могли разорваться. Но вместо того, чтобы утихомирить своего питомца, мальчуган, который приоткрыл нам ворота, весело засмеялся, а девушка в гамаке, лишь лениво приподняла полы своей шляпки, чтобы лучше рассмотреть нас.

– Марко! – позвала она на помощь мужа.

Медвежонок уже встал на задние лапы и точно пританцовывал, топчась на месте. Я все еще держал посылку в руках, планируя в случае самообороны обрушить ее на голову этому танцору. Слава богу, на порог строящегося дома вышел один из строителей с недовольной миной на лице, самый настоящий цыган. Он был в ярко красной рубашке, подпоясанной разноцветным поясом, и, судя по всему, являлся мальчику отцом. Уж очень они были похожи. Черненькие, худощавые, кудрявые, с грубыми скулами.

– Явко мэ! (Иди ко мне!) – крикнул он громко своему смеющемуся сыну, и когда тот послушно подошел, дал ему увесистую оплеуху. – Закурдан. (Достал меня!)

Затем он стряхнул с колен цементную пыль, в два-три прыжка очутился перед нами и загнал медвежонка сильным пинком под навес из жести.

– Мы телефон ищем, – начал я разговор, выходя из оцепенения. – Вот дочка потеряла, мимо Вашего дома проезжала и...

Цыган посмотрел на нас с той же недовольной миной, точно пытаясь понять, что мы от него хотим. Потом он, словно

все же поняв причину, блеснул на солнце своими золотыми коронками.

– Мы ничего не находили!

– А Ваш друг? – кивнул я на крышу, по черепице которой карабкался русский парень с ножовкой в руке, который, как услышал, что о нем что-то расспрашивают, отвел свой блуждающий взгляд в сторону, будто это его совсем не касалось.

– Он тоже ничего не находил, – ответил за него Марко, показывая всем видом, что разговор закончен.

– Ну, если вдруг найдете, наш дом..., почти с Вами соседями...

– Хорошо, хорошо, – выпроваживал он нас, гневно поглядывая на отдыхающую в гамаке девушку, что, казалось, хочет ее зарезать.

Я даже забеспокоился о ней и почему-то сказал ей: «До свидания».

– Чао, бамбино! – махнула она равнодушно, и последнее, что я увидел, как она засовывает в свой чудный ротик упавший с ветки прямо на нее сочный абрикосик.

Как только ворота за нами закрылись, слышалась громкая перепалка на цыганском языке, и я поспешил увести свою дочь как можно дальше. На душе было неприятно, точно нас прогнали, как этого медвежонка пинком кирзового сапога под мягкое место.

– Ну, ничего! Скоро мы всех выведем на чистую воду! – возмутился я, а дочь от волнения даже надкусила помидор-

чик, подаренный ей Ножиком.

– Какой странный у них малыш, папа, – поморщилась она. – Ты видел, что у него серьга в ухе?

– Цыгане, – добавил я. – У них так, должно быть, принято. Молодая девушка в гамаке не выходила у меня из головы. Ей было на вид не более девятнадцати, и она совсем не была похожа на одну из характерных затасканных тяжелой жизнью цыганок, которые ходят у нас с кучей оборванных детей по вокзалам столицы и просят позолотить ручку. Наоборот, эта была гордячка, с нежными славянскими чертами лица и курносым носиком. Да и второй строитель тоже был русский. Может быть, даже ее брат.

Посылка уже начинала тяжелить руки.

– Сбегай к Ваське на всякий случай и разузнай, может, он нашел наш телефон или что-то видел? – дал задание я своей дочери, а сам пошел сдаваться жене. – Только осторожно, тут медведи ходят!

Настя, осмотревшись и убедившись, что ничто ей не угрожает, перебежала дорогу и постучалась в Васькины ворота. Из-под них сразу вынырнула собачка Звоночек, радостно виляя хвостом и таявая. Она как раз грызла пластмассовый мячик и в пылу игры утеряла его так, что не могла достать. И пока хозяин подходил к воротам, моя дочь подкатила игрушку ногой и смотрела, как его собака продолжает резвиться.

Стоит сказать, что с Васькой мы были соседями напротив.

Жил он с беременной женой в доме из старого красного кирпича, с разбитой печной трубой. К одной из его стен была приварена арка, перекинута над воротами. По ней расползался виноград Изабелла, чьи буйно разросшиеся лозы захватили не только стоявшие рядом деревья, но и сам забор с небрежно намалеванной надписью «Продается».

Васька продавал свои владения уже не один год, так как хотел затеряться от кредиторов и съехать с семьей куда-то поближе к морю, но покупатели обходили его стороной. За участком шла грунтовка на кладбище, через которое местные власти почему-то планировали завести газ на хутор. Лет пять назад прокладка трубы за неимением должного финансирования прекратилась, и там до сих пор стояла неприглядная картина: покосившиеся кресты и оградки, и посреди них, на пригорочке, ржавел экскаватор с оторванным ковшом в окружении вырытых когда-то им же траншей, сейчас уже заросших, а также валявшиеся в хаотичном порядке трубы.

– Ну и что он сказал? – спросил я с надеждой, когда Настя подбежала ко мне.

– Сказал, что ничего не видел...

– Ладно, – вздохнул я, чувствуя, как ожесточаюсь против всего хутора. – Пойдем маме сдаваться...

7. Жизнь потихоньку налаживается

Во дворе перед виноградником сидел на табуретке наш любезный Владимир Ярославович. Голова его была обмотана влажным бинтом, и вода потоками стекала ему на лицо, точно слезы, создавая невольно впечатление общей театральной печали. Моя же благоверная супруга, всегда самоотверженно относящаяся к мужчинам (я ни в счет), отпаивала симулянта горячим чаем.

– Что же ты у человека телефон забрал, ирод! – получил я сразу хук-упрек вместо приветливого поцелуя.

– Сказали на минутку, только один звонок сделают, а исчезли на полдня. Случись что, даже скорую вызвать нельзя, – захохал еще громче, делая осторожный глоток Владимир Ярославович, явно смакуя положение псевдобольного. – Лидочка, жена моя с внучатами в Израиль улетела, случись что, даже не узнает, какой у меня конец мог быть... Ведь если бы не Вы, Катенька, я бы точно дубу дал!

Оказалось, что наш сосед во время сражения с колорадскими жуками почувствовал недомогание, выражающееся внезапной диареей и удушающим кашлем, и первым делом обратился за помощью к моей супруге, а заодно одним из первых и сообщил ей неприятную новость, что мы этим

утром не свет не заря потеряли ее смартфон. Ну, а Вы, дорогие друзья, знаете, что нет ничего хуже плохой новости, если эту новость преподносит сосед по участку.

– Прибегают ко мне вот с такими глазищами, – рассказывал с видом бывалого рыбака Владимир Ярославович. – Дескать, дай, мол, Владимир Ярославович, телефон. Позарез нужно! А у меня же сердце слабое, мне волноваться нельзя... Что случилось? Уж не беда ли? Я уж грешным делом подумал, что Вы, Катенька, угорели от печки. Ведь сегодня ночью холодно было. Печку, наверняка, ведь топили, и по неопытности заслонку до конца закрыли. Такое тут часто с городскими бывает. Я от переживаний аж противогаз снял, да забыл склеротик, что вокруг Хиросима... Ну и... – взор соседа вдруг упал на наши лозы. – Батюшки, да какой у Вас виноград хороший! А я издалека и не видел! – воскликнул он. – И не подрезали же его, не укрывали? А я вот все по правилам делаю и не растет! А какие ягоды-то чудесные, просто загляденье! Вот к августу обопьемся с вами вина! Правда, мне нельзя, – и Владимир Ярославович нахмурился. – У меня печень, а я по больницам не хожу!

– Может, Вам это чудо селекции поможет? – предложила дочка гостю свой надкусанный помидор. – Он тепличный, его у вас тут выращивают. Говорят, от всех болезней помогает.

Сосед аж поперхнулся, и моя наивная Катя, очевидно, приняв это за последствия газовой атаки, заботливо попра-

вила мокрый бинтик на голове «безвинно пострадавшего», и посмотрела на меня с дочкой так, как будто мы были виноваты в том, что этот больной во всех отношениях человек не ходит по больницам.

– Принес? – хмуро спросила она меня.

– Принес... Еле дотащил...

– Хоть какая-то от тебя польза!

Уловив с удовлетворением наши натянутые отношения, сосед благополучно допил чай и поставил чашку с остатками заваренных листьев малины себе под ноги. Тут он, очевидно, почувствовал внезапный позыв диареи, и лицо его подозрительно изменилось.

– Владимир Ярославович, может Вам все-таки скорую вызвать? – заволновалась моя супруга, выхватывая из моих рук соседский телефон, который я собирался уже было вернуть.

– Ой, спасибо, Катенька, но пустое это! – отнекивался князь. – Скорая сюда всю неделю добираться будет, а к тому времени, думаю, уже пронесет...

Он сделал довольно неубедительную попытку подняться с табуретки, его чуть-чуть покачнуло назад, и наша дружная семья бережно подхватила его. Затем, показывая всем видом, что он может идти самостоятельно, Владимир Ярославович еще раз похвалил наш виноград и даже отщипнул ближайшую к нему гроздочку. Мы все же настояли и снова усадили пострадавшего на табурет, и он взглядом козла, невзначай заблудившегося в чужом огороде, огляделся во-

круг и сказал ненавязчиво, пробуя одну ягоду на вкус.

– Кислит еще...

Затем Владимир Ярославович проверил баланс своего телефона, очевидно, опасаясь, что я мог кому-то в тайне звонить за границу. И пока мы стояли над ним все в тревогах и заботах, он хмурился и даже злился, ожидая, когда же все же настроится связь. Но связь у хаты не брала, и сосед, чувствуя, что больше не может так просто терять драгоценные минуты, вскочил с места, опрокинув за собой табурет.

– Ладно, засиделся я что-то с вами... – посмотрел он на свое левое запястье, где поблескивали золотом и бриллиантами мои Rolix. – Батюшки, уже обед! Побегу к своим пчелкам... – и, действительно, побежал, но не к калитке, а напролом через рабицу, позабыв вернуть мне залог.

Так что, пребывая точно в вышибленном из седла состоянии, я невольно заметил под вечер, что, если раньше жизнь в этой глуши казалась нам размеренной и спокойной, можно даже сказать, полной творческого подъема и созерцательности, то сейчас в наших неокрепших душах бушевали лихие страсти.

– Подумать только! – возмущался я, ходя по горнице взад-вперед с закинутыми назад руками и обрушивая свой гнев на всех этих несчастных лицемеров. – Мои любимые Rolix у этого дикаря!

– Да, вернет он их тебе, вернет! – успокаивала меня жена. – Поносит и вернет.

– Ага... – не унимался я. – Тут люди ничего просто так не возвращают. Все приходится забирать с клещами да пассатижами! Совести у них нет! Да бог с этими часами! Но не вернуть телефон маленькой девочке, которая проехала мимо них на велосипеде, это выше моего понимания!

– Папа, я уже большая девочка! – еле слышно шептала дочь, опустив взгляд в пол и глотая слезы.

– Молчи, неразумная! – вскричал я, выходя из себя, так, что даже супруга, всегда вступавшая со мной в полемику по любому поводу, притихла и перестала строчить на своей швейной машинке. – Боже, какие же мы дураки! Как можно было наступать дважды на одни и те же грабли? Неужели нас ничему не научил случай под Воронежем?

– Папочка... – пыталась что-то сказать в свое оправдание Настя.

– Послушай совет своего родного отца, – перебивал я ее и грозил при этом указательным пальцем. – Никогда ни при каких обстоятельствах не доверяй южанам!

Выждав, когда из меня выйдет вся спесь, супруга поднялась из-за стола.

– Опять придется все переделывать... Что за нитки! – высказалась она о результате своей недельной работы. Потом ее сверкающий взор упал на меня. – Все? Выкипел?

Я виновато кивнул, отступая вглубь горницы, а Катя, точно внимательный садист с фонариком, внимательно заглянула мне в глаза, исследуя мои адские муки.

– Да что с тобой? И это мой муж? На человека перестал быть похож! Визжишь, как оперная певица на благотворительном вечере...

– Прости, нервы уже ни к черту, – сказал я и попробовал обнять жену, но она отстранилась.

– Пока не успокоишься, будешь всю жизнь спать на кухне у этой печки, – вынесла она мне вердикт, и я тяжело вздохнул, отмечая про себя рокировку в нашем поведении.

Почти весь день, словно бурлящий бульон в переполненной кастрюле, кипела супруга, и мне стоило больших трудов ее успокаивать, а под самый вечер, когда казалось, уже все обсудили и решили, снова не выдержал я. В голове пронеслись недавние воспоминания.

– Зачем тебе тратить свое драгоценное время на все эти дурацкие разборки? Что ты хочешь себе доказать? – обращалась она к нам, когда мы, измотанные, но все же довольные, возвращались из города N.

В станице мы бегали по салонам связи, чтобы восстановить симку. Но в конечном итоге выяснилось, что это невозможно, симка у нас была московская, а не местная, и нас отослали в город за сто километров отсюда. Я хорошо знал свою жену, которая в минуты особого душевного расстройства обычно утоляет печаль незапланированным и довольно непредсказуемым шопингом, поэтому особо не удивился, когда места в багажнике скоро не хватило, а заметно притихшая после постоянных упреков дочь сидела на заднем сиде-

нье с тяжелой тефлоновой сковородкой. Настроение у всех было подавленное и даже настороженное. За рулем была Катя, и уже было принято решение, как можно скорее валить из этих негостеприимных краев.

– Милая, ну какой мы пример показываем таким бегством? Теперь Настя будет считать, что зло может остаться безнаказанным, и на любой пустяк будет реагировать неоднозначно...

– Уж лучше так, чем потом довести дело до эксцесса. Ну, найдешь ты эту бабку, прижмешь ее к стенке, так она тебе и телефон прямо и отдаст...

– Отдаст, – утверждал я, представляя сцены жестокой экзекуции с ржавыми щипцами и горящим факелом.

– И не вздумай применять насилие, – угадывала она ход моих мыслей. – Потом ее внучок-алкаш хату нам подпалит, а на следующий день наймется к тебе в батраки по разбору завалов.

– Милая, не сгущай краски...

– О, если бы кто-нибудь знал, как я устала! – хваталась Катя за голову двумя руками, отпуская при этом руль, и мне с дочерью казалось, что неуправляемая машина несется со скоростью света.

– И все это твоя дурацкая идея... – продолжала пилить меня жена, передразнивая. – «Милая, а почему бы нам в самом деле не поехать к Даниле? Там казаки возрождаются, так сказать, к истокам прикоснемся, ведь «дым Отечества

всем сладок и приятен».

– Ну а что в этом плохого? Ребенок должен знать быт своих предков. В конце концов, у меня дед был есаулом в царской армии. К тому же, природа тут, можно сказать, девственная, тут живут еще неиспорченные цивилизацией люди.

– Ага, неиспорченные... Сейчас такие «на голову неиспорченные» листают своим грязным..., дочь закрой уши, мою прошлогоднюю фотосессию на пляже Плайя дель Медано.

Я не знал что возразить на это. К тому же, меня еще сильно смущала новая тефлоновая сковородка, надобности в которой особо не было.

– Эх, на Канарах сейчас хорошо... Океан, бирюза, свежий ветер... – с ностальгией в голосе прошептала Катя. – Закрываю глаза, так и вижу себя в новом бикини. Мои ступни утопают в приятном песочке. Я иду такая загадочная по пляжу, крутя изящно бедрами. Под рукой у меня серфинговая доска, а в моих солнцезащитных очках отражаются смазливые мальчики с торчащими сосочками, которые выпячивают через их обтягивающие футболочки. «Quiero estar contigo! Estoy loco por ti!» (Хочу быть с тобой! Схожу с ума по тебе! – кричат они вслед. – Mi cielo! Mi alma! (Мое небо! Душа моя!))

Мне сейчас было не до ревности, так как Катя за эти мучительные для меня секунды и впрямь мечтательно закрыла глаза, нажав на педаль газа.

– Фу, Канары... – нахмурился с отвращением я, будто речь шла о потных рваных носках. – Или ты совсем забыла, как в прошлый раз, когда мы брали «все включено», они все смотрели на часы, с мыслью о том, что побыстрее бы полночь, чтобы все напитки стали платные.

– Ну и что? Ты сам тоже самое делал и набирал про запас... Так что сегодня собираем манатки и...

– Мама, я не хочу уезжать из хутора! – воскликнула вдруг дочка на заднем сиденье, чуть ли не давясь слезами. – Мне тут так нравится, я еще на велосипеде не накаталась.

– Ну что ты в самом деле так расстроилась! – попробовал я лаской в голосе убедить Катю не делать поспешных выводов. – Мы сюда же только приехали и сразу уезжать? Тут скоро виноград созреет, даже сосед завидует, натуральный виноград-то, без всяких там гормонов роста, а на Канары можно попозже слетать, осенью, например. Никуда она не денется, твои Канары. Правда, я не уверен, что народ там честнее, и никто не застрахован от того, что произошло с нами здесь. Можно даже эксперимент провести. Купить дочке велосипед и дать ей покататься по пляжу с твоим смартфоном...

– Нет уж, больше я никому свой смартфон не доверю! – фыркнула моя супруга, поправляя на своем лице солнцезащитные очки. При этом резком движении она опять отпустила руль на крутом повороте.

– Можешь придержать коней? – попросил я. – Там впереди видеокамеру установили.

– И что? Хотя кто-нибудь на меня смотрит...

Я раздосадовано вздохнул. Меня не слышали. В этот момент первые капли дождя упали на лобовое стекло, и начался сильный потоп, такой, что едва справлялись дворники.

– Притормози, ведь ни хрена не видать, – начинал я злиться, и вдруг из пелены дождя перед нашей машиной показался силуэт девушки.

По широкополой соломенной шляпке я сразу признал в ней хозяйку медвежонка, жену или девушку цыгана. Она шла по обочине, в одном направлении с нами, в пестрой, уже намокшей от дождя юбке и было видно, как играют на ходу ее упругие ягодицы. Для меня, жестоко отлученного от супружеских обязанностей, все это дразнящее мою плоть явление было точно во сне. В какую-то секунду я все же опомнился и закричал, видимо, на инстинктивном уровне уводя руль жены немного влево.

– Осторожно!

Машину на скользкой дороге сильно повело, но, славу богу, колеса вырулили. Девушка, наверно, не сразу поняла, какая опасность грозила ей. Мы едва не сбили ее, обрызгав только грязью из луж.

– Ты могла ее убить! – прошептал я, вглядываясь в пелену дождя.

– Шляются тут всякие, ж... виляют, – фыркнула супруга, уже притормаживая у наших ворот, и, когда машина встала, нервно забарабанила пальчиками по рулю.

По ее молчаливому ожиданию, я понял, что кому-то из нас придется сейчас выходить под дождь и открывать ворота. Какое-то время мы все трое ожидали чего-то. Дождь лил как из ведра. Лишь слышно было, как работают дворники по стеклу. Пожалуй, мы так никогда не были близки к разводу.

– Ну, хорошо, я не права, – смирилась вдруг жена. – Делайте, что хотите. Только не говорите потом, что я вас не предупреждала...

– Ура! – радостно закричала дочка, обнимая маму за шею. – Спасибо, мамочка!

Я облегченно вздохнул. В конце концов, был очень тяжелый день, и нервы могли сдать даже у самого стойкого из нас.

8. Список подозреваемых

После дождя резко похолодало, и густой туман, смешиваясь с дымом из печных труб, к вечеру окутал весь хутор. Помню, как в нашей маленькой печке потрескивали дрова, а я сидел на кухоньке в каком-то таинственном полумраке и пил успокаивающий чай с мятой. На новой тефлоновой сковородке допекалась последняя лепешка, и запах вкусного хлеба приятно щекотал ноздри. Жена, утомленная выпечкой, тихо посапывала за стенкой, накрывшаяся лоскутным одеялом, а дочка уже подсовывала мне белый лист бумаги. Мы все же решили восстановить хронологию этого взволнованного утра и составить список подозреваемых. При этом, каждому из этого списка давалась оценка по пятибалльной шкале.

Итак, высшую оценку у нас получила, конечно, же бабушка в зеленом платке. Особенно на этой версии настаивала моя жена, когда мы еще днем обсуждали с дочкой, кто мог поднять смартфон.

– Ну, конечно, она. Кто же еще? – утверждала Катя. – Этим бабулям палец в рот не клади.

Сложность была только в том, что мы не знали, где живет подозреваемая №1, а спросить было не у кого.

– Да, папа, мы ее на почте видели же! – кивнула дочка. – Она мне чуть плечо не вывернула, когда потянулась за руч-

кой. Ее, наверно, там все знают!

– На почту я больше не ходок, – заупрямился я. – Распросим лучше у соседей.

– Хорошо. Кто следующий?

– Как тебе мужичок-дурачок? Он вышел за нашей бабулей следом....

– Точно! Я его встретила, когда к тебе возвращалась... У него лотерейные билеты еще были. Странный дяденька...

– Поставь ему четверочку...

Затем мы вспомнили и о Ваське, что живет напротив.

– Нет, это не он, – уверенно замотала головой дочка и стала настаивать на его невинности, говоря, что когда она его расспрашивала о потерянном телефоне, он сильно расстроился и, как ей показалось, даже смахнул слезу.

– Что-то я особо ему не верю, – признался я. – Ну, при всем к нему уважении, человек он плутоватый, к тому же, срочно нуждающийся в деньгах из-за бездумно набранных кредитов.

– Поставим ему троечку тогда, – нехотя стала вписывать Васю в свой секретный список Настя.

– И строителей не забудь с цыганским колоритом. Уж слишком они как-то быстро уехали с места преступления. Медведя потом натравили, на все наши расспросы отвечали как-то уклончиво и невнятно.

– Тоже им троечка, папа!

Другие подозреваемые отпали как-то сами собой или по-

лучили двойки и колы. Среди них оказались и девушки на остановке, и случайные прохожие, которых мы по каким-то причинам не заметили, и даже водитель хлебного фургончика. К этой категории подозреваемых мы могли вернуться только после проверки основных версий.

— Папа, а ведь мама права! Как же мы заставим вора вернуть нам телефон? — недоумевала дочь. — Если он сразу не вернул, то, скорее всего, и не вернет.

— Вернет, вот увидишь! — и глаза мои заблестели особой хитрецей. — Есть такая игра в карты, доча. Даже с плохими картами на руках можно выиграть. Надо вести себя всегда так, будто у тебя одни козырные тузы на руках, поняла? И такое уверенное поведение заставляет твоего противника ошибаться...

— Но, папа, мы же не будем с каждым, кого мы подозреваем в краже маминого телефон играть в карты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.